

«НЕЖНАЯ ВОНЬ ОСТЫВАЮЩИХ ТРАВ»: МИР ЗАПАХОВ В ЯЗЫКЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Некрасова Л.Н. (Россия)

Обоняние считается одним из самых сложных для изучения видом перцептивной чувствительности. И психологи, и лингвисты отмечают, что запахи, с одной стороны, оказывают серьезное влияние на жизнь человека, с другой - с трудом поддаются классификации. «Обоняние доставляет нам большое многообразие различных ощущений, для которых характерен ... яркий положительный или отрицательный аффективно-эмоциональный тон. Внести в это многообразие систему оказалось очень затруднительно» [Рубинштейн: 200]. Е. Гольдштейн отмечает, что «существуют тысячи запахов, которые мы не можем описать из-за отсутствия значений» и возможную причину этого видит в экстралингвистических характеристиках обоняния: «результаты эксперимента указывают на значительно более диффузный способ функционирования сигналов в обонятельной системе, чем в других сенсорных системах» [Цит по: Рузин: 84].

Человек постоянно чувствует окружающие запахи, хотя и не всегда отдает себе в этом отчет. Для нас значимы запахи природы, пищи, окружающих людей, помещений и пространств. Определение по запаху «своей» и «чужой» территории, присущее, казалось бы, только животным, свойственно и людям: в чужом доме всегда пахнет «по-другому». Запах - одна из ниточек, связывающих человека с природой. Информация, получаемая через органы обоняния, не поддается рациональному истолкованию, но влияет на сознание и подсознание. Запах регулирует поведение (ср. «прийти на запах» и «отвернуться»). Чувствительность человека к запахам породила отдельную отрасль промышленности – парфюмерию, разрабатывающую и производящую вещества с разнообразными приятными для человека запахами. Помимо способности вызывать отрицательную или положительную реакцию, запах обладает еще одним свойством: запахи сохраняются в памяти надолго, иногда навсегда. У человека как у высокоразвитого существа обонятельные ощущения органически связаны с ментальной и эмоциональной сферами. Знакомый запах вызывает в душе ряд ассоциаций, возвращает память к давно забытым событиям.

Исследование лексико-семантического поля обоняния в русском языке еще начинается [Рузин]. То же можно сказать и о работах, посвященных языку писателей [Григорьева; Михеев]. Подобный анализ дает интереснейшие результаты – получая в художественном тексте эстетическую функцию, простые слова естественного языка обретают глубокий онтологический смысл, выражают идеи автора. Уникальным в этом

отношении является язык Андрея Платонова. Идейный мир писателя неотделим от его языка: «миросозерцание писателя растворено в языке» [Дмитровская 1992: 44]. «Стиль речи Платонова – глубоко аналитический. У него мысль о мире формулирует сам мир. Этот мир рождается на глазах через рождение слова» [Семенова:374]. Исследование платоновского языка, таким образом, дает ключ к постижению мировоззрения писателя. В данной статье анализируется фрагмент языковой картины мира Андрея Платонова на материале слов лексико-семантического поля запаха. Особый интерес представляют три группы запахов – запахи людей, запахи жилищ и запахи пространств. При рассмотрении того или иного фрагмента платоновского текста невозможно предложить однозначную интерпретацию этого фрагмента. Одной из первых на эту особенность платоновского языка обратила внимание Е. Толстая-Сегал. По ее словам, «тяга к всепониманию у Платонова проявляется в множественности и взаимоисключенности точек зрения» [Толстая-Сегал: 65]. В тех случаях, где, как нам кажется, проявляется эта особенность, мы представим возможные варианты интерпретации.

Запах человека обозначен Платоновым как запах жизни: «..Кирей приник к Груше и пониже горла и *понюхал оттуда хранящуюся жизнь и слабый запах глубокого тепла*» (Чевенгур, 300). Жизнь можно «понюхать» - значит, она имеет свой запах, соединенный с запахом тепла. Семантические поля «жизни», «тепла» и «запаха» постоянно пересекаются у Платонова: «Она *дышала на него теплотой* улыбающегося рта». Слово «теплота» занимает позицию, характерную для существительного со значением «запах» (ср., например, «дышала духами»).

Из всего многообразия «человеческих» запахов у Платонова наиболее часто встречается запах пота. Герои Платонова живут простой природной жизнью, и этот запах, неприятный и «неприличный» для общества, является для них вполне естественным и важным. Все герои знают и помнят запах пота близких людей. Вот Саша Дванов обнимает тело умершего отца: «Мальчик прилег к телу отца, к старой его рубашке, от которой *пахло родным живым потом*, потому что рубашку надели для гроба – отец утонул в другой. Мальчик пощупал руки, от них *несло рыбной сыростью, ...*» (9). Запах пота здесь ассоциируется с жизнью – от рубашки пахнет «живым потом», и этот запах дорог для мальчика, потому что он «родной». Помимо запаха пота, мальчик чувствует еще один запах – «рыбной сырости». Отец Дванова был рыбаком, поэтому было бы естественно, если бы его руки и одежда пропитались запахом сырой рыбы. Но акцент в этом словосочетании неожиданно смещается с «рыбы» на «сырость». Чтобы понять природу этого смещения, нужно обратиться к тексту романа и к роли, которую играет в нем эпизод смерти рыбака. Отец Саши Дванова, рыбак по профессии, всю жизнь «многих

расспрашивал о смерти и тосковал от своего любопытства; этот рыбак больше всего любил рыбу не как пищу, а как особое существо, наверное знающее тайну смерти» (8). Утонул он потому, что бросился в озеро, желая «пожить в смерти и вернуться» (8). От его рук пахнет рыбной сыростью, потому что его подняли со дна озера – с «сырого» места, где исполнилась его мечта (оттого его руки пахнут сыростью) и где живет рыба, знающая тайну смерти (отсюда «рыбная сырость»). От отца Саша унаследует не профессию, но этот живой интерес к тайнам бытия.

Запах пота еще раз повторяется в романе, играя важную композиционную роль. Через много лет уже выросший Саша перед уходом в Чевенгур видит во сне себя на могиле отца: «[во сне] Не понимая расставания с отцом, мальчик пробует землю могилы, как некогда он щупал смертную рубашку отца, и ему кажется, что *дождь пахнет потом* – привычной жизнью в теплых объятиях отца на берегу озера Мутево; та жизнь, обещанная навеки, теперь не возвращается, и мальчик не знает – нарочно это или надо плакать» (180). В этом сне отец посылает Сашу в Чевенгур, что можно интерпретировать как библейскую аллюзию: миссия Саши сродни миссии Христа [Геллер]. Таким образом, запах отцовского пота появляется в двух ключевых эпизодах, определяющих судьбу Саши Дванова, – в эпизоде смерти отца и перед уходом Саши в Чевенгур.

Платоновские герои намеренно «нюхают пот» близких людей. Любовь героев настолько велика, что для них в любимом человеке нет ничего нечистого или позорного. Вот эпизод из романа «Счастливая Москва». Влюбленный в Москву Сарториус едет вместе с любимой за город: «Честнова дала ему понести туфли, он *незаметно обнюхал их и даже коснулся языком*; теперь Москва *Честнова и все, что касалось ее, даже самое нечистое, не вызывало в Саториусе никакой брезгливости*, и на отходы из нее он мог бы *глядеть с крайним любопытством*, потому что отходы тоже недавно составляли часть прекрасного человека» (Счастливая Москва, 44). Мать умершего в Чевенгуре мальчика «сняла с него теплые чулочки и *нюхала пот его ног*» (Чевенгур, 230). Сербинов, задыхающийся от любви к Соне, «*чувствовал слабый запах пота из подмышек Софьи Александровны и хотел обсасывать ртом те жесткие волосы, испорченные потом*» (Чевенгур, 277). Герои нюхают пот не только людей, но и животных. Мужик в «Котловане» приходит в сарай к своей умирающей лошади: «Хозяин.. обнял лошадь за шею и стоял в своем сиротстве, *нюхая по памяти пот кобылы*, как на пахоте» (Котлован, 370).

Как видим, традиционно «сниженные» запахи, простые и естественные, в платоновской прозе не только теряют негативные коннотации, но и становятся знаком самого важного и дорогого. Напротив, носитель «благостного» запаха оценивается

Платоновым иронически. Вот описание старика Полюбезьева из «Чевенгура»: «Кто ходил рядом с этим стариком, тот знал, насколько *он был душист и умилен*, насколько приятно было вести с ним честные спокойные собеседования. Жена его звала батюшкой, говорила шепотом, и начало благообразной кротости никогда не переходило между супругами. Может быть, поэтому у них не рожались дети, и в горницах стояла вечная просушенная тишина» (Чевенгур, 148). «Душистость» вместо естественных запахов, «тишина» вместо звучания жизни, «бесплодие» вместо детей – все это проявления авторской неодобрительной интонации. Об этом же герое говорится: «Он сам чувствовал тот *постоянный запах свежего ситного хлеба*, который непрерывно исходил с поверхности его чистого тела, и прожевывал слюну от тихой радости пребывания в жизни» (149). Несмотря на связь образа с сакральными хлебными мотивами [Яблоков: 167], чрезмерная «рафинированность» всех деталей (не просто запах хлеба, но запах свежего хлеба, тело – чистое, радость – тихая) дает нам основание предположить и здесь присутствие авторской иронии.

Запахами пота и гротескной «душистостью» Полюбезьева платоновские «мужские» запахи ограничиваются. Сфера же женских запахов намного разнообразнее. Во-первых, это запахи, связанные с материнством, – запахи тепла, сырости и молока. Женщина как существо более природное ближе к стихиям, к природному теплу и влаге, и эта близость подчеркивается Платоновым. Рассмотрим следующий фрагмент. Чепурный в Чевенгуре ждет появления женщин, которых Прошка обещал собрать и привести в город. К нему приближаются две нищенки, но он еще не видит их. «Чепурный... вдруг почувал, *что чем-то пахнет сырым и теплым духом*, который уже давно вынес ветер из Чевенгура; он перестал рыть и молча притаился – пусть неизвестное еще чем-нибудь обнаружится, *но было тихо и пахло*» (263). Обращает на себя внимание намеренное усиление автором семантической неопределенности: выражение «пахнет сырым и теплым духом» несет самую общую информацию о носителе запаха, им может оказаться кто или что угодно. Эта нечеткость усилена еще и неопределенным местоимением «чем-то». Видимо, запах женщин совсем позабыт чевенгурцами и они воспринимают лишь его онтологические составляющие, сырость и тепло. В последнем предложении этого фрагмента – «было тихо и пахло» глагол «пахнуть» употребляется без обязательного для него распространителя со значением «источник запаха»: «пахнуть чем-то». В форме третьего лица и без распространителей «пахнуть» описывает уже не ощущения человека, но состояние мира. Весь мир сосредотачивается для героя на ощущениях, слуховых – «было тихо» - и обонятельных - «и пахло». Когда жители Чевенгура ближе знакомятся с пришедшими женщинами, одна из них прижимается к Дванову, и ее «женский» запах

сближает их: « ... близ нее Дванов задержался от воспоминания – женщина пахла молоком и потной рубахой, он поцеловал ее еще раз в нагрудный край рубахи, как целовал в младенчестве в тело и в пот мертвого отца» (292). Интересно, что Дванову, которого с младенчества воспитывал отец, запахи женщины и материнства (молока) напоминают отца. Вот еще пример материнских запахов: у кровати Мавры Фетисовны, только что родившей двойняшек, «пахло говядиной и сырым молочным телком» (18). Запах «говядины и телка» на первый взгляд кажется в этой ситуации неуместным. Но ведь телок – такой же ребенок, как и человеческий детеныш, он был также рожден в крови и муках. Через роды женщина соединяется со всей природой, и Платонов подчеркивает эту связь, проводя параллель между родами человека и животных. Мать может передать этот запах своему ребенку. Рассмотрим следующий пример: «Чепурный скинул шинель и сразу очутился голым и жалким, зато от его тела *пошел теплый запах какого-то давно заросшего, спекшегося материнства*, едва памятного Копенкину» (165). Запах возникает, когда Чепурный очутился голым, то есть уподобился младенцу – и от него стало пахнуть матерью, как в детстве. Интересны определения материнства – «давно заросшее» и «спекшееся». Нам представляются наиболее вероятными две интерпретации. С одной стороны, глаголы «зарости» и «спечься» могут описывать конкретные жизненные реалии. Обычно мы говорим так о ранах и местах, где появляется кровь (ср. первое значение глагола «спечься» - «загустеть» (о крови)). В контексте «материнства» это может быть пуповина, которую перерезают, отделяя ребенка от матери. Кровь «спекается», и это место потом зарастает кожей – лишь маленькая впадинка на животе напоминает, что когда-то мы были с матерью единым целым. С другой стороны, близкий к «зарости» глагол – «порости» в составе выражения «поросло травой/быльем» употребляется для обозначения давно прошедших и забытых событий. Эту интерпретацию поддерживает и определение материнства (или запаха материнства) как «едва памятного». Но какой бы вариант мы ни выбрали, в обоих присутствует идея «забвения» детства, забвения физического или душевного. Каждое слово в этой фразе говорит о том, как далек взрослый человек от своей матери – и как прочна в то же время их связь даже теперь, когда матери уже нет на свете. Этот запах материнства вспоминает лишь Копенкин. Здесь нельзя не вспомнить о том, что Копенкин – единственный из персонажей Чевенгура, кому снится мать. Сон этот повторяется дважды, и во сне мать упрекает сына в том, что он совсем забыл о ней.

Близость женщины к природе позволяет сказать, что от женщины «пахнет природой»: «После полуночи, когда в открытую форточку окна – поверх всего города – доходила волна запаха дальних растений и свежих пространств, Сарториус опускал

голову на стол и терял свежесть размышления. *Так же пахла Честнова когда-то вблизи него, природой и добротой»* (Счастливая Москва, 54). Помимо запаха природы от девушки пахнет еще и «добротой». Метонимия, частый у Платонова прием, в данном случае представлена ее частным случаем - синекдохой. Качество характера человека – доброта – переносится на его запах. Метонимия осложнена здесь переходом от абстрактного к конкретному: «доброта» - свойство человека, абстрактный признак, а переносится это свойство на конкретную, физически ощутимую реалию. Так создаются многие удивительные платоновские запахи. От Гедвиги Вотман, героини рассказа «Мусорный ветер», которую фашисты ведут на расстрел, *«исходил влажный запах здравого смысла и пота здоровых, полных ног* - в ней ничего не засохло от горячего мутного ветра и достоинство ее пребывало внутри самого ее одинокого тела, окруженного конвоем» (Мусорный ветер, 120). Мы снова встречаем здесь запах пота как запах важный и дорогой, и кроме него Лихтенберг – а именно его глазами показана Гедвига Вотман – ощущает «влажный запах здравого смысла». Это еще один пример метонимии, созданной по той же схеме: свойство характера человека переносится на его запах. Влажность этого запаха, с одной стороны, обусловлена женским началом героини, с другой стороны, она поддерживается присутствием в этом контексте влажной субстанции - носителя запаха: пота. Как видим, запахи, имеющие «конкретную» и «абстрактную» основу – запах пота и запах «здравого смысла» - стоят в тексте рядом, перечисляются Платоновым как явления одного порядка.

Еще один удивительный «женский» запах в платоновской картине мира – запах увядающей травы. Вообще запах травы – самый распространенный среди «природных» запахов Платонова. Этот запах - еще одна ниточка, связывающая платоновских героинь с природой. Но почему «увядающей» травы? Рассмотрим следующие три примера:

«Дванов тронул губами ее [Сони] щеку и сам почувствовал сухой венок Сониных уст на своем лбу; Соня отвернулась и гладила забор мучавшейся неуверенной рукой. Дванов захотел помочь Соне, но только нагнулся к ней и *ощутил запах увядшей травы*, исходивший от ее волос. Здесь девушка обернулась и снова оживала» (Чевенгур, 62).

«Фекла Степановна положила руку на лицо Дванова. Дванову *почудился запах увядшей травы*, он вспомнил прощание с жалкой, босой полудевушкой у забора и зажал руку Феклы Степановны» (88).

«Копенкин ощущал даже *запах платья Розы, запах умирающей травы, соединенный со скрытым теплом остатков жизни*. Он не знал, что подобно Розе Люксембург в памяти Дванова пахла Соня Мандрова» (102).

Рассмотрим сначала третий пример. Хотя автор сам отмечает подобие запахов, ощущаемых Копенкиным и Двановым, запахи эти отличаются – Дванову чудится запах «увядшей» травы, а Копенкину – «умирающей». Возможно, употребление действительного причастия настоящего времени (в отличие от причастия прошедшего времени в двух остальных примерах) обусловлено деятельной любовью Копенкина к Розе. Для него она не умерла, ее образ постоянно живет в его сердце, и он надеется еще спасти девушку – однажды откопать Розу и увезти ее «к себе в революцию». Поэтому в запахе девушки запах умирающей травы соединяется «со скрытым теплом остатков жизни», то есть «остатков жизненных сил».

Запах «увядшей травы» связан в сознании Дванова именно с Соней. В образе Сони Платонов постоянно подчеркивает ее хрупкость, неуверенность, незащищенность: «мучавшаяся неуверенная рука», «жалкая босая полудевушка». Видимо, эта беззащитность человека перед миром вызывает у героя ассоциации с травой, хрупкой, нежной и обреченной на скорую смерть. В повести «Эфирный тракт», написанной ранее романа «Чевенгур», друзья советуют молодому талантливому ученому Егору Кирпичникову: «Тебе, Егор, жениться надо... Эх, напустить бы на тебя хорошую русскую девушку, у которой коса травой пахнет» (Эфирный тракт, 106). Как и в других примерах, запах травы здесь – знак близости женщины и природы. Но в этом раннем произведении нет еще образа «увядшей» травы. Герои полны надежд на преобразование мира с помощью науки и не чувствуют горечи обреченности. Герои «Чевенгура» уже смотрят на мир по-другому, слабость и ранимость любимых неразрывно связывается в их сознании с незащищенностью растений, природы и всего мира.

Уподобление запаха женских волос запаху травы – метафора, перенос природных запахов в сферу человеческого бытия. В мире Платонова возможен и обратный перенос, от человека к природе. Запах любимой девушки Дванов ощущает, когда на него нападает банда анархистов и он, ища спасения, падает и обнимает теплую ногу лошади. Сначала Дванов чувствует лишь запахи лошади: «В овраге Дванов схватил теплую ногу лошади, и ему стало не страшно у этой ноги. Нога тихо дрожала от усталости и *пахла потом, травой дорог и тишиной жизни*» (Чевенгур, 70). В этом примере соположены три запаха. Первый – телесный запах «пота», второй – «природный» запах травы, третий – запах «тишины жизни», семантику которого невозможно определить однозначно. С учетом контекста мы можем предположить, что «мирные» запахи лошади в той трагической ситуации, в которой оказался Саша Дванов, вызывают у него воспоминания о тихой, спокойной жизни – отсюда запах «тишины жизни». Перед неминуемой гибелью Саша сжимает ногу лошади и «нога превратилась в *благоухающее живое тело той*, которой он

не знал и не узнает, но сейчас она стала ему нечаянно нужна». Запахи лошади, превратившись в предсмертную минуту в запахи любимой, становятся для Дванова «благоуханием».

Для платоновской картины мира существенно одно свойство «человеческих» запахов – их способность передаваться предметам и навсегда сохраняться в вещах и в домах. Запахи жилищ непосредственно связаны с запахами человека. Платоновские герои помнят их с детства и проносят воспоминание о них через всю жизнь. В рассказе «Река Потудань» вернувшийся с Гражданской войны Никита Фирсов входит в комнату и чувствует, что в ней пахнет *«тем же запахом, что и в детстве, что и три года назад, когда он ушел на войну: даже запах материнского подола еще сохранился здесь, в единственном месте на свете»* (Река Потудань, 423). Запахи жилищ связаны в первую очередь с детскими воспоминаниями. Когда ребенок был маленьким, он все время был рядом с матерью, обнимал ее, держался за подол – отсюда необычный платоновский запах «материнского подола», который в детстве окружает ребенка повсюду: «и не церкви, не голоса птиц, теперь умерших ровесниц его детства, не страшные старики, бредущие летом в тайный Киев, – может быть, не это было детством, а то волнение ребенка, когда у него есть живая мать и *летний воздух пахнет ее подолом*; в то восходящее время действительно все старики – загадочные люди, потому что у них умерли матери, а они живут и не плачут» (Чевенгур, 157). Кроме материнских запахов, в доме может пахнуть «человеком» или простой деревенской пищей. Наиболее типичные «деревенские» запахи – запахи картофеля, молока, соломы: «в доме *пахло сольным телом некогда жившего здесь человека*» (283) или: «*пахло картофельной пищей из окраинного жилища*» (282), или: «*пахло тем же, чем у матери в хате, когда она готовила утреннюю еду*» (298). Подобные запахи могут быть запахами дома или запахами всей деревни, как, например, в следующих фрагментах:

«Дванов вдохнул *мирный запах деревни – соломенной гари и гретого молока, – от этого запаха у Дванова заболел живот: сейчас он не смог бы съесть даже щепотки соли*» (116).

«Дванов вошел в хату, как в деревню – *там пахло соломой и молоком, тою хозяйственной сытой теплотой, в которой произошло зачатие всего русского сельского народа, и... хозяин, должно быть, шептался с женой о своих дворовых заботах*» (61).

Уподобление «хаты» и «деревни» («вошел в хату как в деревню») имеет глубокие мифологические и социально-культурологические корни. Мифологическое мышление делит все пространство на «свое» и «чужое», и «свое» пространство – это не только свой дом, но и своя деревня, в отличие от окружающего ее враждебного мира. Кроме того,

русский общинный уклад жизни предполагал восприятие человеком всей деревни, то есть территории всей общины, как «своего» места. Поэтому дом и поселение пахнут одинаково – можно сказать, что в деревне пахнет, как в хате, или наоборот. В этом мирном запахе дома или деревни произошло «зачатье народа». С одной стороны, это означает, что в этих простых деревенских домах были зачаты «родоначальники нации» (так называется один из рассказов Платонова). С другой стороны, сама деревня-хата с ее запахами и «сытой теплотой» метонимически уподобляется утробе, из которой вышел русский народ.

Человек передает свои запахи жилью, но возможна и обратная связь – человек хранит запахи своего дома. Маленький Антошка в рассказе «Июльская гроза», испугавшись грома, прижимается к сестре и чувствует, что «она *пахнет так же, как пахло все в их избе – и хлеб, и сени, и деревянные ложки, и подол матери*» (Июльская гроза, 145). Все запахи в жилище, в том числе и сакральный запах материнского подола, создают тот единственный и дорогой человеку запах, которым пахнет сам дом и его жители. Почувствовав его, Антошка сразу успокаивается. В «Чевенгуре» Платонов дает «научное» объяснение тому, каким образом запах дома передается человеку: «...выходя наружу, каждый полубуржуй уносил на себе *многолетний запах своего домоводства, давно проникший через легкие в кровь и превратившийся в часть тела*. Не все знали, что запах есть пыль собственных вещей, но каждый этим запахом освежал через дыхание свою кровь» (Чевенгур, 189). По Платонову, запах родного дома – неотделимая составляющая каждого человека, через дыхание буквально ставшая его «плотью и кровью». «Освежать запахом» - сочетание парадоксальное, если речь идет о запахе пыли. Но тем, кто прожил в этом доме жизнь, запах привычных вещей, вероятно, придает силы.

Помимо запахов человека и пищи, в платоновской картине мира есть еще один часто встречающийся запах деревни – это запах гари: «На сельских улицах *пахло гарью* – это лежала зола на дороге, которую не разгребали куры, потому что их поели» (11) или «Избы почти пели от страшной, накаленной солнцем тишины, а солома на крышах почернела и издавала *тлеющий запах гари*» (25). Запах гари здесь - отражение суровой реальности степной сельской жизни с постоянными засухами и нехваткой воды. От засухи тлели и горели травы и соломенные крыши – и запах гари назван «тлеющим». Это еще один пример метонимии. Запах гари – это запах горящего или тлеющего предмета, но в данном случае состояние предмета становится определением его запаха.

Дванов и другие герои «Чевенгура» путешествуют по сельской России и часто чувствуют хозяйственные запахи жилища. Герои «Котлована» и «Счастливой Москвы» лишь помнят эти запахи, в жизни строителей новой страны им уже не находится места.

Чиклин в «Котловане» возвращается в места своего детства, но там все обветшало и пришло в упадок. «В молодости Чиклина здесь *пахло пекарней*, ездили угольщики и громко пропагандировалось молоко с деревенских телег. ... Теперь же *воздух ветхости и прощальной памяти* стоял над потухшей пекарней и постаревшими яблоневыми садами» (Котлован, 339). «Воздух» здесь метонимически обозначает «запах» (ср: «в воздухе стоит запах...»). В своем устаревшем значении это слово действительно означало «запах». Таким образом, в этом фрагменте сталкиваются два запаха. Первый - хозяйственный домашний запах хлеба («пахло пекарней»), запах реальный и физически ощутимый, но оставшийся в прошлом. Второй - запах настоящего, «воздух ветхости и прощальной памяти». Это не конкретный запах, а обобщенное чувство, которое имеет, вероятно, и физические аспекты – запах старых вещей, зрительный образ обветшалых домов – и эмоциональные – грусть, чувство утраты; это запах, вероятно, столь же трудноуловимый, сколь трудно точно описать его. Художественная ткань «Котлована» пронизана образами распада, утраты, прощания, и «воздух ветхости и прощальной памяти» - часть этой общей картины.

Герои «Счастливой Москвы» живут в городе, «деревенские» запахи они могут почувствовать лишь вне его. Москва Честнова с Сарториусом выезжают за город. Они отъезжают от Москвы-города совсем недалеко и деревни не видят, знают только, где она находится: «Весь колхоз в лощине спит, - показала Честнова в даль. - *Там хлебом сейчас пахнет* и ребятишки сопят в овинах. А коровы лежат где-нибудь на выгоне и над ними начинается туман рассвета... Как люблю я все это видеть и жить!» (Счастливая Москва, 45). В сам колхоз они не приходят. Таким образом, как и в «Счастливой Москве», «деревенские» запахи тоже далеки от героев, но не во времени, а в пространстве.

Лишенный природных запахов, платоновский город пахнет совсем по-другому. Основной его запах – это запах транспорта. «Нормальный мужик» Макар Ганушкин, приехав из деревни в Москву, сразу определяет: «Воздух был столичный: *пахло возбужденным газом машин и чугунной пылью трамвайных тормозов*» (Усомнившийся Макар, 109). Симон Сербинов, герой романа «Чевенгур», считает себя «культурным человеком» и с жадностью вдыхает этот запах: «Сербинов со счастьем культурного человека вновь ходил по родным очагам Москвы, рассматривал изящные предметы в магазинах, слушал бесшумный ход драгоценных автомобилей *и дышал их отработанным газом, как возбуждающими духами*» (Чевенгур, 265). Автор иронизирует над любовью героя к городской культуре, и одним из способов выражения этой иронии является сопоставление выхлопов машин и духов – для Сербинова это одно и то же.

Кроме «природных» и «хозяйственных» запахов, платоновские жилища хранят в своем запахе информацию о том, что происходило с людьми. В «Счастливой Москве» в коридоре дома, где живет Комягин, пахнет «*долголетними остатками йодоформа и хлорной извести*»; здесь, вероятно, когда-то в гражданскую войну был госпиталь и лежали красноармейцы – теперь живут жильцы» (Счастливая Москва, 83). Дванов в «Чевенгуре» входит в деревенский дом и чувствует необычный запах: «в сенях *пахло лекарством и печалью* неизвестного беззащитного человека. В чулане лежал раненый в прошлых боях крестьянин» (Чевенгур, 117). С одной стороны, Дванов словно бы умеет воспринимать запах чувств другого человека. Такой способностью обладают животные, умеющие по запаху различать эмоциональные состояния людей. С другой стороны, запах лекарств как запах, сопутствующий болезням, ассоциируется в сознании героя с печалью и потому становится для него запахом печали. В таком случае «пахло печалью» - это объективация чувств самого воспринимающего субъекта. Рассмотрим еще один пример. Комягин, герой «Счастливой Москвы», приходит в военкомат. «Ему казалось, что в райвоенкомате *пахло так же, как в местах длительного заключения* – безжизненностью томящегося человеческого тела, сознательно ведущего себя скромно и экономно, чтобы не возбуждать внутри себя замирающего влечения к удаленной жизни и не замучиться потом в тщетности, от тоски отчаяния» (Счастливая Москва, 21). Здесь обращение к реальному физическому ощущению – запаху райвоенкомата – порождает цепочку ассоциаций, которые показывают, как формируется этот запах. От конкретного Платонов переходит к абстрактному – пахнет здесь даже не «жизнью», а «безжизненностью тела». Затем это абстрактное снова становится конкретным – Платонов показывает, каким образом человек «добивается» этой безжизненности. В языке Платонова подобное постоянное колебание между полюсами абстрактного и конкретного особенно характерно для «запахов пространства».

Пространство наполнено самыми разнообразными запахами. Запахи земли, степи, или реки несут героям новую информацию, обостряют их чувства и мысли. Пространство и человек имеют в языковой картине мира Платонова запахи, кажущиеся на первый взгляд одинаковыми, общими для них, например запахи жизни или травы. Однако применительно к пространству эти запахи имеют другой «сокровенный» смысл. «Дождь весь выпал, в воздухе настала тишина, и земля *пахла скопившейся в ней, томительной жизнью*» (Чевенгур, 237). Возможно, запах «скопившейся, томительной жизни» - это запах сырой почвы, ведь земля в платоновской картине мира это мать, рождающая из себя все живое [Дмитровская 1993: 123]. Это глубинное ее свойство, ее внутренняя сущность в языке Платонова обнажается. После дождей растения растут особенно активно – это

жизнь «скопилась» и «томит» землю, хочет быстрее родиться. Еще один уже знакомый нам запах – запах травы. Герои «Чевенгура», путешествуя по степи, постоянно чувствуют этот запах, и даже специально «принюхиваются» к нему: «Славно ехать! – вслух сказал Копенкин, дыша сыростью поздней ночи и принюхиваясь к запахам продирающихся сквозь землю трав» (Чевенгур, 144). Запах травы – благоприятный запах, он означает, что почва в этом месте плодородная. Поэтому Копенкин сокрушается, не видя травы на том месте, где она росла когда-то: «– Вот, товарищ Дванов, погляди налево, – указал на синеву поймы Копенкин. – Я тут бывал с отцом еще мальчишкой: незабвенное место было. *На версту хорошей травянистой воню несло, а теперь тут и вода гниет...*» (120). Существительное «вонь» и глагол «нести» (о запахе) употребляются обычно по отношению к неприятным запахам, но Копенкин этими простыми и грубоватыми словами говорит о чем-то важном и хорошем.

Но даже травы у Платонова грустят: «Смирное поле тянулось безлюдной жатвой, с нижней земли *пахло грустью ветхих трав* и оттуда начиналось безвыходное небо, делающее весь мир порожним местом» (306). Этот запах сопровождает Дванова в его последнем путешествии к озеру Мутево, где он войдет в воду «в поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец в любопытстве смерти». Чья же грусть объективируется в запахе «ветхих трав»? Может быть – грусть самой травы, знающей о своей скорой гибели, может – чувства Саши, которому пустынный степной осенний пейзаж напоминает о всех ушедших из мира, а может быть – тоска самого мира, знающего о неизбежности смерти.

В запахах пространств у Платонова объективируются мысли и чувства созерцающих их людей. Герои «принюхиваются» к пространству, но в запахах возвращаются к ним их собственные эмоции. «Чепурный отставил ногу и *принюхался* – из глуши степных мест *пахло грустью расстояния и тоской отсутствия человека*» (184). Чепурному, который вместе с девятью другими чевенгурскими товарищами ожидает наступления коммунизма в отдельно взятом городе, вся степь кажется бесконечной и не дающей человеку утешения, отсюда и запахи «грусти расстояния» и «тоски отсутствия человека». А вот вода для чевенгурцев – дружественная стихия, и запах у нее иной: «С воды шел *воздух, пахнувший возбуждением и свободой*, и два товарища начали обнажаться навстречу воде» (165).

Таким образом, функции, которые выполняют слова лексико-семантического поля «запах» в языке Андрея Платонова, многообразны. В языковой картине мира писателя отсутствует разделение запахов на «плохие» и «хорошие». Традиционно «сниженные» человеческие запахи в платоновском мире напоминают про единство человека и природы, про глубинные, ныне утерянные связи. Фрося, героиня рассказа «Фро», тоскуя без мужа,

находит утешение в его запахе, который хранит постель: «Фрося принялась к подушке, на которой спал Федор, - она еще *пахла его телом, его головой*,... Фрося уткнулась лицом в подушку Федора и затихла» (Фро, 60). О Москве Честновой говорится: «... *даже сильный запах пота, исходивший из ее кожи, приносил прелесть и возбуждение жизни, напоминая про хлеб и обширные пространства травы*» (Счастливая Москва, 75). «Природная память» запаха выражена здесь эксплицитно – запах пота человека напоминает о пище и растениях.

С женскими образами в художественном мире писателя связан запах «увядшей травы». Этот запах напоминает героям о хрупкости и незащищенности их любимых перед миром.

Запахи материнства у Платонова возвращают героям связь с их умершими родителями. Саше Дванову запахи материнства напоминают об отце, к которому он стремится. «Командир степных большевиков» Копенкин, посвятивший свою жизнь борьбе за революцию, где-то в глубине души хранит память об этих сокровенных запахах. Во сне образы Розы Люксембург – его символа революции – и его матери объединяются для Копенкина в один образ.

Запахи пространств и жилищ являются знаками «своего» и «чужого». Вот ощущения Копенкина, впервые прибывшего в Чевенгур: «В Чевенгуре было тепло и *пахло товарищеским духом*» (Чевенгур, 154). С одной стороны, можно предположить здесь присутствие авторской иронии и интерпретировать этот запах как физиологический – пахнет телами и потом чевенгурских товарищей. С другой стороны, выражение «пахло товарищеским духом» напоминает нам Бабу-Ягу из русских народных сказок. Эта хозяйка потустороннего мира по запаху сразу же узнает чужих: «Фу! Русским духом пахнет». Чевенгурцы же узнают по запаху своих, «товарищей». Детям привычные деревенские запахи говорят о том, что место безопасно. Девятилетняя Наташа в «Июльской грозе» несет маленького брата в гости к бабушке. Путь кажется девочке страшным и она по дороге нюхает воздух: «...*пахло соломой, молоком, горячей землей, отцом и матерью*. Это было ей знакомо и мило, и девочка понесла брата дальше» (Июльская гроза, 135).

Дома и поселения у Платонова хранят простые «семейные» и «хозяйственные» запахи: запахи материнского подола, соломы, молока, картофеля. Наполненный этой «хозяйственной сытой теплотой» деревенский дом кажется утробой, из которой вышел весь русский народ. В то же время эти добрые мирные запахи таят опасность для героев – переустроителей Вселенной. Молодые коммунисты боятся, привыкнув к ним, вернуться к смиренному природному существованию: «Дванов вдохнул *мирный запах деревни – соломенной гари и гретого молока*, - от этого запаха у Дванова заболел живот: сейчас он

не смог бы съесть даже щепотки соли. Он *испугался погибнуть в больших теплых руках деревни, задохнуться в овчинном воздухе смиренных людей*, побеждающих врагов не яростью, а навалом» (Чевенгур, 116). Уезжая из деревни, люди расстаются с этими запахами, они уходят в новую жизнь, навсегда отвергая свое прошлое, свой дом-утробу. Для героев «Котлована» эти запахи остались в прошлом, в молодости, для героев «Счастливой Москвы» они «где-то там», далеко.

Бескрайние платоновские пространства пахнут травой. Можно проследить динамику этого запаха – от повести «Сокровенный человек» 1926-го года, до написанного в середине 30-х годов романа «Счастливая Москва». Герой «Сокровенного человека» Фома Пухов возвращается в родные места и чувствует знакомые запахи: «От родины сразу понесло дымным запахом хлеба и нежной вонью остывающих трав». Негативные семантические компоненты слова «вонь» снимаются в этом контексте определением «нежная». Для Пухова это родные и любимые запахи. «Травянистую вонь» вспоминает и Копенкин в Чевенгуре – в его детстве в тех местах, где они путешествуют с Двановым, росла хорошая трава, запах которой чувствовался «за версту». Теперь же Копенкин «с жадностью» принимает к запахам трав, словно ищет тот ушедший запах. Лишь в самом Чевенгуре, в городе-утопии, сохраняется «сытый воздух травостоя»; степь же вне его пахнет «грустью ветхих трав», которым пришла пора умирать. Пустырь в повести «Котлован» пахнет «умершей травой и сыростью обнаженных мест» (Котлован, 317). Траву на этом пустыре выкосили, она умерла, пустырь лишился покрова. От этого «яснее чувствовалась общая грусть жизни и тоска тщетности» – словно травяной покров утешал людей, а когда земля лишилась его, они еще острее почувствовали трагизм жизни. Действие романа «Счастливая Москва», в котором Платонов, по словам Хели Костов, выходит в новую для себя «область любви к ближнему, интереса к частной человеческой жизни» [Костов: 8], происходит в городе. О запахе природных пространств напоминает лишь запах Москвы Честновой, главной героини: «... сильный запах пота, исходивший из ее кожи, приносил прелесть и возбуждение жизни, напоминая хлеб и обширное пространство травы» (Счастливая Москва, 75). Самбикин, глазами которого показана в этом эпизоде Москва Честнова, строит будущее, сознательно отказываясь от прошлого, от природы. Он живет идеей, разумом, «голым умом». Но, отдавшись чувству, Самбикин обретает способность постичь сокровенный смысл запаха любимого человека. Через любовь к женщине он соединяется с природой.

Так в многообразии запахов герои Платонова постигают смысл жизни.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА:

1. Июльская гроза // А. Платонов. Избранные произведения. Т.2. М., 1978
2. Котлован // А. Платонов. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1998
3. Мусорный ветер // А. Платонов. Государственный житель. Минск, 1990
4. Река Потудань // А. Платонов. Государственный житель. Минск, 1990
5. Сокровенный человек // А. Платонов. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1998
6. Счастливая Москва // «Страна философов» Андрея Платонова: вып. 3. М., 1999
7. Фро // А. Платонов. Избранные произведения. Т.2. М., 1978
8. Чевенгур // А. Платонов. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1998
9. Усомнившийся Макар // А. Платонов. Государственный житель. Минск, 1990
10. Эфирный тракт // А. Платонов. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1998

ЛИТЕРАТУРА

1. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж, 1982
2. Григорьева О.Н. Мир запахов в языке Чехова// Вопросы русского языкознания. Вып. VIII. Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. М., 2000
3. Дмитриовская М.А. Понятие «силы» у Платонова //Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992
4. Дмитриовская М.А. Язык и мирозерцание Андрея Платонова. Дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 1993
5. Михеев М.Ю. В мир А. Платонова – через его язык. М., 2003
6. Яблоков Е.А. На берегу неба. СПб, 2001
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб, 2002
8. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке. Вопросы языкознания, 1994, №6
9. Семенова С. В усилиях к будущему времени// Семенова С. Преодоление трагедии. М., 1989
10. Толстая-Сегал Е. Идеологические контексты Платонова // Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994
11. Хели Костов. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва», Хельсинки, 2000
12. Яблоков Е.А. На берегу неба (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»), СПб, 2001